

Герберт Бейтс

Старушки и вечность

Бейтс Г. Э.

Старушки и вечность / Г. Э. Бейтс —

Мой мир населяют простые, на первый взгляд, обыкновенные люди из деревушек и провинциальных городков: любимые кем-то и одинокие, эмоционально неудовлетворенные, потерянные, мало себя знающие... Это мир глубинных страстей, безотчетных поступков и их последствий. Но внешне он не особенно драматичен... В совершеннейшей форме рассказ является, по существу, стихотворением в прозе.

Герберт Эрнест Бейтс

Старушки и вечность

Каждый год на Рождество пожилые девицы мисс Карто и мисс Пальмерстон, или Картошка и Пальчик, как они любовно называют друг дружку, обязательно выбирают часок, чтобы, захватив графин красного вина, кекс и кусок чеширского сыра, отметить праздник в старом бомбоубежище, со времен войны сохранившемся у них в дальнем конце сада.

– Это знак благодарения за все, через что мы тогда прошли и остались живы, – объясняют подруги.

Поздней осенью, когда почернелые плети тыкв, произраставших на крыше убежища, окончательно раскисают под действием заморозков, Пальчик, старшая, сгребает их на компостную кучу, моет едким карболовым мылом ребристое железное нутро и на несколько суток оставляет настежь Дверь – «для освежения атмосферы», как она выражается.

Пальчик маленького роста, вроде херувимчика – круглощекая, огненно-румяная, с выпуклыми светлыми глазами, как два живых серебряных наперстка. Выпив «самую капельку известно чего», она горчично распаляется и начинает без Умолку, жизнерадостно болтать, отдуваясь наподобие суетливой обезголосевшей болонки. Снует по дому, вся в делах, возбужденно, часто сопя, будто вынюхивая запрятанную кость.

Мисс Карто, Картошка, не может похвастать ее подвижностью и энергией. Мисс Карто крупная, медлительная, невозмутимая и бесформенная. Одутлое, серое ее лицо и вправду походит на большую картофелину, вполне подтверждая прозвище. Она страдает, среди прочего, болезненными отеками ног, одышкой и от плохо пригнанных вставных зубов, которые имеют обыкновение соскакивать и слипаться, так как она любит вязкую пастилу. Но все эти мелкие неприятности ее не слишком угнетают. Дыша с присвистом и совершенно не теряя шутивого оптимизма, она ковыляет туда-сюда, на руках у нее часто можно видеть большие оранжевые тыквы, похожие на упитанных младенцев, чудесным образом произведенных ею на свет.

В убежище сохранились все отжившие принадлежности военного времени – война была так давно, а иногда кажется, что только вчера, – пожарный насос, два ведра, одно с водой, другое с песком, фонарик, свечка в подсвечнике, свисток, и даже два противогаза в парусиновых сумках висят честь по чести на стене.

Квадратное оконце, забранное стеклом с металлической сеткой, выходит в сад, и здесь в сочельник, на исходе дня, сидят Картошка и Пальчик, пьют вино, заедают кексом и сыром и смотрят на голую мокрую землю.

– Нам всегда удивительно везет с погодой, – говорит Пальчик. – Ну что бы мы делали, если бы шел снег?

– Если бы шел снег, – отвечает Картошка, – мы бы, само собой, точно так же сидели здесь, как и сейчас. Мы бы из-за такого пустяка не изменили своей привычке.

– Да, да, должно быть, так, должно быть, ты права, милая Картоша.

– Помнишь, сколько снегу выпало в сороковом году? – спрашивает Картошка. – Нас тогда здесь совсем засыпало, намело такой огромный сугроб, думали, не выберемся.

Они на два голоса посмеялись этому воспоминанию, у Картошки смех гудит валторной, а у Пальчика дребезжит, как цимбалы.

– Я тогда свистела, свистела, чуть все зубы об свисток не обломала, пока мистер Эккерли не услышал и не откопал нас, – вспоминает Картошка. – С тех пор они у меня и раскачались, я считаю.

Они опять смеются, и Пальчик подливает в рюмки вина. Без вина и без колокольного звона над городом им праздник не в праздник. От свечи тоже многое зависит, поэтому Картошка вскоре предлагает:

– Давай зажжем свечку, Пальчик, хорошо? Мне нравится любоваться, как рдеет портвейн при свете свечи.

– Сейчас, сейчас, зажигаю, Картоша. Ты сиди.

При свете свечи рдеет не только портвейн, но и румяное херувимское лицо Пальчика с блестящими глазками-наперстками.

– Удивительно, как от одной свечки сразу делается темно снаружи, – говорит она. – И видна эта дивная синева неба. И первые звезды.

– Мне говорили, в этом году оркестр пройдет по нашей улице вечером в сочельник, а утром на Рождество.

– Ой, неужели? А я еще не уложила коробку с гостинцами. Может, сбегать в дом и приготовить к их приходу, как ты думаешь?

– Нет, нет. Сиди. Мы их отсюда загодя услышим.

– Если только не заснем. Помнишь тот год, когда мы с тобой обе заснули? И проспали весь страшный налет? Спали себе как младенцы. А все говорили, какой был ужас.

При этом забавном, бодрящем воспоминании они опять смеются, и Пальчик снова разливает «по самой капельке». В сущности, война – это очень смешно, надо только уметь правильно смотреть на вещи.

– Что это? Уж не дождь ли пошел? – Пальчик подышала на оконце, протерла стекло рукавом меховой шубки и присмотрелась. – Нет, дождя, кажется, нет. – Она со щенячьей жадностью вгрызлась в кусок кекса. – А вот что есть, так это какой-то человек. Расхаживает по саду.

– Надеюсь, не архангел Гавриил? – спрашивает Картошка. – Он нам здесь не нужен. Пока еще.

И снова жизнерадостным дуэтом звучит их смех. Пальчик распахнула дверь убежища и кричит:

– Эй, кто это ходит? Кто там?

С огорода доносится ответ.

– А, так это вы, мистер Эккерли, – говорит Пальчик. – Мы здесь! В бомбоубежище!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.